

MISCELLANEOUS:
СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ
MISCELLANEOUS:
MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК 94(47).04

DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-7

Пенской В. В.

«РОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА»:
РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПРОЧИТАННОЙ КНИГОЙ...

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; *penskoy@bsu.edu.ru*

Аннотация. Данная статья представляет собой рецензию на вышедшую в 2018 г. в издательстве «Новое литературное обозрение» работу известного российского историка М.М. Крома «Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков». Написанная в научно-популярном ключе, эта книга посвящена проблемам формирования и последующего развития раннемодерного Русского государства, которое автор «Рождения государства» рассматривает в широком историческом и географическом контексте. Проанализировав основные аспекты государственного строительства в России в эту эпоху, М.М. Кром приходит к выводу, что Русское государство раннего Нового времени развивалось в целом в том же направлении, что и его западноевропейские соседи, но с определенными отличиями, продиктованными региональными особенностями. Поддерживая выводы автора книги и подчеркивая ее новаторский характер, автор рецензии вместе с тем обращает внимание на ряд спорных и дискуссионных мест в ней.

Ключевые слова: Государство раннего Нового времени; Россия; Иван III; Иван Грозный

Для цитирования: Пенской В.В. «Рождение государства»: размышления над прочитанной книгой... // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5. № 3. С.51-72. DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-7

V. V. Penskoy

“THE BIRTH OF THE STATE”: REFLECTIONS ON THE
BOOK...

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
penskoy@bsu.edu.ru

Abstract. This article is a review of the work of famous Russian historian Mikhail Krom, "The birth of the state: the Moscow Rus of 15-16th centuries", published in 2018 by "The New Literary Review" Publishing House. This book is written in the popular

scientific style and is devoted to the problems of the formation and subsequent development of the early modern Russian state. The author of “The Birth of the State” considers these problems in a broad historical and geographical context. As a result of the analysis of the main aspects of state building in Russia in this era, M. Krom comes to the conclusion that the Russian state of the early New Age was developing in the same direction with its West European neighbors. However, this development retained certain differences. They were due to regional characteristics. The author supports the conclusions of the author of the book and emphasizes its innovative character. However, he draws attention to a number of controversial and debatable places in it.

Keywords: Early Modern State; Russia; Ivan III; Ivan the Terrible

For citation: V. V. Penskoj (2019), “‘The birth of the state’: reflections on the book ...”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 5 (3), 51-72, DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-7

Часть 1-я

«Рождение государства» – под таким незамысловатым названием в минувшем году в издательстве «Новое литературное обозрение», в серии «Что такое Россия», вышла новая книга известного российского историка М.М. Крома (Кром, 2018). О чем эта работа, сам автор в предисловии написал так: «Книга, которую держит в руках читатель, необычна, хотя она посвящена хорошо известному, многократно описанному сюжету – возникновению и развитию Российского государства в XV–XVI веках». Необычность же ее, несмотря на тривиальность и своего рода банальность выбранной темы, заключается, по мнению автора, во-первых, в том, что в ней он «вместо традиционного рассказа о военных походах и присоединении тех или иных земель <...> сделал акцент на *внутренних* аспектах государственного строительства: обретении суверенитета, формировании структур управления, функциях монарха и его советников, выработке ключевых понятий и идеологии, роли выборных органов и т.д.». Во-вторых же, необычность ее в том, что «этот процесс [формирования государства] рассматривается в широкой сравнительной перспективе, и поэтому, хотя на обложке значится лишь Московская Русь, в тексте

книги делаются многочисленные экскурсы в историю других стран – от Испании на западе до Османской империи на востоке». И в-третьих, необычность книги в том, что, хотя, как указывает историк, в научно-популярной литературе принято популяризовать уже существующие концепции и идеи, в своей новой работе М.М. Кром решился «представить на суд публики новую концепцию возникновения Российского государства еще до появления обобщающей монографии» (Кром, 2018: 7). Рассмотрим же эту концепцию вслед за автором поэтапно, тезис за тезисом, и выскажем свое мнение и комментарии по ее важнейшим положениям¹.

В особых представлениях имя историка не нуждается – те, кто внимательно следит за публикациями по истории России раннего Нового времени, знают его предыдущие работы, равно как и осведомлены о его нетривиальном подходе к освещению тех или иных сюжетов из нее. Новое исследование М.М. Крома, хотя и выдержано в несколько необычной форме, логически продолжает ряд его предыдущих публикаций (см., напр.: Кром, 2017, 2016а, 2016б, 2010а, 2010б, 2009, 2005 и др.), выступая своего рода промежуточным итогом прежних исследований историка в этом направлении.

¹ Отметим, что на эту работу М.М. Крома есть уже по меньшей мере две рецензии. Одна из них написана известным американским историком-русистом Ч. Гальпериным (Halperin, 2018), другая – публицистом и журналистом Е.С. Холмогоровым (Холмогоров, 2018).

Само по себе «Рождение государства» – книга небольшая, которую можно прочесть за пару вечеров, – правда, при условии, что читатель более или менее подготовлен и хорошо ориентируется в хитросплетениях русской истории раннего Нового времени, не говоря уже о том, что он должен быть в курсе хотя бы важнейших «трендов» в ее изучении на сегодняшний день. В противном случае чтение может затянуться – всё-таки автор «Рождения государства» не зря написал во введении к своему небольшому очерку (а книга эта, на наш взгляд, всё же именно очерк, в первую очередь обозначающий проблемы и ставящий вопросы и только во вторую очередь дающий ответы), что он подошел к вопросу об особенностях формирования Русского государства с нетрадиционной точки зрения. Да и отсутствие терминологического словаря и хотя бы краткой хронологической таблицы (и раз уж зашел разговор о помещении событий русской истории раннего Нового времени в общеевропейский контекст – таблицы сравнительно-хронологической) для недостаточно подготовленного читателя затрудняет понимание текста. Впрочем, судя по другим книгам этой серии, такой подход является общим для них, и претензии к отсутствию словаря и хронологической таблицы следует предъявлять не автору, а издателям.

Однако оставим в стороне эти не то чтобы замечания, а, скорее, сожаления об упущенных возможностях и вернемся к главному – к замыслу автора книги и к тому, насколько он удался, а заодно поделимся своими размышлениями, которые родились в результате прочтения книги.

Начнем с самого начала – с раздела, озаглавленного «Русское государство XV–XVI веков в зеркале европейского опыта», заголовок которого автор дополнил пометкой «Вместо введения». Во главе угла здесь поставлен вопрос: процесс формирования Русского государства – это процесс, связанный с собиранием земель или же с собиранием власти? Согласитесь, уважаемый читатель, что такая постановка вопроса более

чем своеобразна, ибо со школьной скамьи (а миллионы школьных учебников врать не могут по определению) нами твердо усвоено, что речь должна идти в первую очередь именно о собирании земель, а уж потом обо всем остальном. Истоки именно такого подхода автор находит в сформировавшейся еще на закате русского Средневековья традиции, нашедшей свое отражение в русской книжности той эпохи, которая была закреплена в знаменитой «Степенной книге» – своего рода официальной версии происхождения государства Российского.

«Схема русской истории, созданная книжниками XVI века, – пишет далее М.М. Кром, – оказала влияние на всю последующую отечественную историографию», начиная с ее основоположников Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева. Лишь А.Е. Пресняков в 1918 г. попытался было отойти от этой схемы, но полностью преодолеть ее давление он не смог (да и время было не самое подходящее для новаторских идей. – В.П.). При этом, отмечает автор «Рождения государства», историк ограничился рассмотрением «внешней» истории формирования Русского государства, или, другими словами, «дела государева» без обращения к сюжетам истории «внутренней» и тем более к сравнительно-историческим аспектам проблемы. И, что самое важное, почин А.Е. Преснякова не получил развития в последующих исторических штудиях. «Новой научной концепции, удовлетворительно объясняющей суть процесса формирования Российского государства, до сих не предложено», – подытожил итог своим наблюдениям М.М. Кром (Кром, 2018: 9-13). И далее он отметил, что в современной исторической литературе оценки, которые дают те или иные авторы раннемоdernому Русскому государству, определяются во многом политическими симпатиями пишущего, «государственническими» или же «либеральными», и с этим тезисом трудно не согласиться. Чтобы выйти за рамки этого «дискурса», представляющего замкнутый круг, М.М. Кром предлагает провести срав-

нительный анализ процессов формирования государства в Русской земле на исходе Средневековья с аналогичными явлениями на Западе и на Востоке – подход, который, на наш взгляд, является весьма многообещающим и имеющим неплохие эвристические перспективы (Кром, 2018: 14).

Приступая к рассмотрению современных концепций современного государства (в нашем случае ранне-модерного. – В.П.), М.М. Кром увязывает их генезис с идеями М. Вебера. В качестве основополагающего признака современного государства по Веберу историк выделяет следующий: развитие государства от средневекового к современному шло по пути постепенной трансформации традиционной патримониальной монархии в монархию бюрократическую, в которой служба, основанная на личной преданности сюзерену, заменяется на безлично ориентированное бюрократическое господство (Кром, 2018: 15). Для того чтобы рассмотреть особенности складывания ранне-модерной русской государственности на фоне аналогичных процессов в Западной Европе, М.М. Кром взял за основу работу американского историка Дж. Стрейера (Straeug, 1970), критически подойдя к использованию ее основных тезисов.

В качестве базовых или «родовых» признаков современного государства автор «Рождения государства» выделил в первую очередь деперсонализацию управления государством. «Делегирование властных полномочий государя его советникам и постепенная бюрократизация управления заметны в Московском государстве уже со второй половины XV столетия», – отмечает М.М. Кром, подчеркивая, что эта «родовая» черта характерна для любого современного государства – хоть для Франции, хоть для Османской империи, хоть для России (Кром, 2018: 18).

Вместе с тем, продолжает дальше историк, относительно других характерных признаков современного государства среди историков нет единого мнения. Однако, на его взгляд, «не особо рискуя ошибиться, можно

назвать некоторые приметы интересующего нас явления» (Кром, 2018: 18). К их числу автор отнес, во-первых, наличие суверенитета как независимости от других правителей во внутренних делах: «... притязание на суверенитет можно считать первым признаком жизни новорожденного государства, его заявкой на самостоятельное существование» (Кром, 2018: 18). Другим важным признаком М.М. Кром считает «переплетение на каждом шагу публичной власти и частных интересов, патриархальной идеологии и бюрократических приемов управления», при этом «государственное строительство требовало участия, больших затрат, а порой и жертв от различных социальных групп» (Кром, 2018: 18). В результате «новорожденное государство становилось институциональным "каркасом" для формирующегося общества». Прочие же признаки, в частности, способ формирования государственной территории, автор «Рождения государства» не считает существенно важными и относит их к числу локальных особенностей (Кром, 2018: 19).

Соглашаясь с принципом «делегирования» властных полномочий как одним из признаков современного государства (при этом отмечая, что эта тенденция наметилась еще в Средневековой Европе, основываясь на идеях римского права), мы всё же выскажем сомнения относительно двух других его черт. Тот же принцип суверенитета как независимости во внутренних делах является прямым развитием знаменитой фразы «Rex est imperator in regno suo», которая входит в оборот со второй половины XIII в. (см., напр.: Малинин, 2008: 221-236), когда о современном и даже ранне-модерном государстве не могло быть и речи. Равно и о вовлечении в процесс государственного строительства различных социальных групп – разве не был в Средневековье известен принцип римского права, гласящий: «Quod omnes tangit omnibus comprobetur»? Ведь опираясь на него и формируется сама идея «народного» представительства и «народного» суверенитета (пусть на первых порах и в усеченном виде,

применительно к «политическому народу»).

Есть возражения и еще по одному утверждению М.М. Крома, сделанному в конце этой главы. Используя идею Й. Шумпетера о государствах «домениальных» и «налоговых», историк полагает, что модерное Русское государство в московский период его истории было «домениальным», и «лишь реформы конца XVII – начала XVIII века ознаменовали переход к созданию "налогового государства"» (Кром, 2018: 24). Однако здесь возникает вполне закономерный вопрос: а как быть, к примеру, с известной фразой из завещания Дмитрия Ивановича о том, что коли «перемнит Бог Орду, дети мои не имут давати выхода в Орду, и который сын мой возмет дань на своем оуделе, то тому и есть»? (Духовные и договорные грамоты, 1950: 34). Ведь из нее легко сделать вывод о существовании на Руси еще во времена ее вассальной зависимости системы прямого налогообложения, пусть и в примитивной форме, а значит, уже великое Владимирское княжество не могло считаться в полной мере «домениальным» государством? И когда автор «Рождения государства» пишет о том, что «нехватка денежных средств и важная роль земельных ресурсов в странах Центральной, Северной и Восточной Европы приводили к консервации здесь патриархальных и патримониальных (порусски – "вотчинных") отношений», в том числе и крепостного права (Кром, 2018: 23-24), то это ведь одно из существующих объяснений возникновения «второй редакции» пресловутого крепостного права, и уж во всяком случае, его природа в России явно имела иные основания, чем, к примеру, в той же Польше или Венгрии. Достаточно вспомнить в этом случае о концепции И. Валлерстайна (Валлерстайн, 2015: 106-119).

Впрочем, в том, что эти (и ряд других) идей и принципов, имеющих отношение к модерному государству, известны еще со времен как минимум Высокого Средневе-

ковья, нет ничего необычного и неожиданного, ибо, по нашему убеждению, само модерное государство в ранних его формах «прорастает» сквозь средневековую основу эволюционным путем. Следовательно, провести четкую грань, «the thin red line», между позднесредневековым государством и раннемодерным, не представляется возможным. То же «собрание власти» де-юре представляло не что иное, как возвращение государством, персонифицированным в образе монарха, утраченных в раннем Средневековье властных полномочий (в противном случае без апелляции к нарушенной «старине» как к высшему авторитету эта политика не имела бы успеха). Равно не имеет смысла вести речь о «собрании земель», ибо де-юре территориальное единство государства даже в эпоху пресловутой «феодальной раздробленности» никуда не девалось. Отсюда и споры среди историков относительно того, что можно отнести к признакам модерного государства, а что не стоит. Но в чем мы совершенно точно согласны с М.М. Кромом, так это в том, что «формирование государства Нового времени отнюдь не всегда и не везде сопровождалось "собранием земель" и объединением страны: это *разные* процессы, которые в некоторых случаях переплетались», равно как и с тем, что «в аграрных и слабо урбанизированных регионах модерное государство выросло на другой материальной основе и в иных социальных условиях, чем в районах, где процветала торговля и существовали богатые города» (Кром, 2018: 21, 23). Тем более удивительным представляется тот факт, что в разных условиях возникают схожие ответы на вызовы времени.

Однако вернемся к «Рождению государства». Во 2-ой главе книги М.М. Кром задается вопросом об отправной точке, от которой стоило начинать исследование проблемы. Такой точкой исследователь определил 1425-й год, год смерти Василия I, сына Дмитрия Донского. «Указанная дата, при всей ее условности, – продолжает

историк, – служит некоей гранью, отделяющей период так называемой раздробленности от последующей эпохи рождения государства» (Кром, 2018: 28).

Безусловно, в истории с рождением и последующим развитием современного государства, если принять во внимание, что, как уже было отмечено выше, оно «прорастает» сквозь живую ткань государства средневекового, определить поворотный момент, точку отсчета (до нее у нас государство средневековое, после – уже современное) практически невозможно. Но в данном конкретном случае, пожалуй, есть все основания согласиться с мнением историка, ибо смерть Василия I и последовавшие за ней события действительно изменили ход истории Русского государства. Однако обо всем по порядку. Свой выбор 1425-го года в качестве отправной точки исследования М.М. Кром мотивировал тем, что, как отмечают современные исследователи (жаль только, что автор не указал, кто именно – непосвященному читателю остается только догадываться, о ком идет речь. – В.П.), какая-то сознательная политика объединения русских земель вокруг Москвы или иного политического центра не наблюдается до конца XIV века (Кром, 2018: 27-28).

Смелое утверждение, и, пожалуй, мы не стали бы утверждать нечто подобное столь категорично. Если вести речь о «собирании земель», то, быть может, так оно и было, но если говорить о «собирании власти», то здесь можно и поспорить. По нашему мнению, два этих процесса, «собирания земель» и «собирания власти» тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. В условиях, когда владения дома Рюриковичей рассматривались как некое «семейное дело» и великий князь был «в отца место», «братом старейшим», возглавлявшим свою «молодшую братию», его влияние и авторитет во многом определялись его личными качествами как правителя, его «удачей» (и в этом плане Русь XIV века, конечно же, никак «не тянет» на статус современного государства даже в его ранней стадии). Во многом, но не во всем – материальный фактор

также играл свою роль, и наличие сильной дружины и богатой казны существенно облегчало «старейшему брату» задачу обуздания своевольной «младшей братии» и навязывания им своей воли. Отсюда и стремление равно как московских, так и тех же тверских князей XIV в. нарастить свой ресурсный потенциал, округлить свои владения и обеспечить непрерывный и нарастающий поток «злата и серебра» в свою казну.

Можно ли считать такую политику сознательной – очевидно, что да. Существовала ли у дома московских Даниловичей некая долгосрочная, рассчитанная на десятилетия, если не на века, вперед политическая программа по созданию пресловутого «централизованного» государства – очевидно, что нет. Однако сама логика политической борьбы за верховенство и доминирование в Залесской Руси диктовала шаги в этом направлении, и московские князья преуспели в этом больше других.

Но тогда как быть с 1425-ым годом, спросите вы, уважаемый читатель. Ответ на этот закономерный вопрос мы бы сформулировали следующим образом: династический кризис, последовавший за смертью Василия I, ускорил процесс «собирания власти» (и, само собой, земель), придав ему необратимый характер и утвердив Москву окончательно во главе всех прочих русских княжеств Северо-Восточной Руси, которой в не столь далекой перспективе предстояло стать Московской, а не Тверской или Нижегородской Русью, не говоря уже о «другой» Руси, Руси Литовской. Кстати, автор «Рождения государства» подверг критике концепцию «литовской Руси» как «Руси другой», альтернативной московской (см., напр.: Думин, 1991). По его мнению, не стоит путать масштабную внешнюю экспансию с «собиранием земель», и тем более литовские великие князья не могли претендовать на роль объединителей русских земель по причине своего иноверия. «Существование в великом княжестве многочисленного православного населения с католической правящей элитой таило в себе

угрозу раскола страны», – отмечает историк (Кром, 2018: 29). Правда, здесь М.М. Кром противоречит сам себе, ибо в своей предыдущей работе о судьбе литовских земель на востоке княжества, на границе с Русью московской, он де-факто занял иную позицию, указывая, с одной стороны, на «отсутствие религиозной границы, как и твердой политической линии раздела между Московским и Литовским государством» на протяжении 1-ой половины «долгого XVI века», что позволяло пограничным князьям легко менять своих суверенов, а с другой стороны – подчеркивая успехи политики литовских властей по «привязыванию» русских земель к своей «отчине» (Кром, 2010б: 82, 225, 227). И религиозные различия между правящей династией и ее подданными, как показывает опыт той же османской Турции или империи Габсбургов, в раннемодерную эпоху вовсе не были причиной, по которой эти государства оказывались нежизнеспособными². Так что вряд ли можно с уверенностью сказать, что для Гедиминовичей или Ягеллонов «собрание» русских земель было такой уж неразрешимой задачей и что литовской альтернативы московскому варианту объединения Руси не могло быть в принципе. Вопрос, на наш взгляд надо ставить иначе – почему эта альтернатива при всех прочих равных условиях не состоялась? И, на наш взгляд, ответ на этот вопрос надо искать в особенностях политического кризиса, который практически одновременно охватил оба великих княжества, и Московское, и Литовское, во 2-й четверти XV в., и выхода из него.

Но вернемся обратно к тексту 1-й главы. Анализируя особенности политического устройства северо-восточных русских земель в XIV – начале XV вв., автор

«Рождения государства» справедливо отмечает, что «в ту патриархальную эпоху удельные князья вовсе не были подданными великого князя», поскольку «их отношения с ним регулировались специальными договорами». Эти договора устанавливали, что «в своем уделе князь был полновластным хозяином» (причем это в равной степени касалось как «старшего» «брата» - великого князя, так и «молодшей брата» - удельных князей), что со всей неизбежностью вело к тому, что «полная автономия уделов делала призрачным территориальное, судебное, административное и какое-либо иное единство великого княжества Московского (курсив мой. – В.П. Стоит подчеркнуть, что подобного рода отношения между великим князем и его «молодшей братьей» сохраняются и дальше. Вплоть до времен Василия III и, возможно, еще дальше), за исключением единства военно-политического» (Кром, 2018: 35)³. И далее на примере истории с присоединением Нижегородского княжества к владениям великого князя московского М.М. Кром доказывает, что «приращение территорий вовсе не тождественно строительству государства» (Кром, 2018: 36-37).

Трудно не согласиться с этим утверждением историка, однако есть, как говорится, нюансы. Да, приращение территории («собрание земель») не тождественно строительству государства («собранию власти»), но, как мы уже отмечали выше, это две части одного и того же процесса. И потом, так ли уж характерен нижегородский казус именно как демонстрация истинности тезиса автора? М.М. Кром пишет, что «пока сюзереном русских князей оставался ордынский хан, никакое присоединение не могло считаться прочным и окончательным». Да, как будто так оно и было. Но с

² О методах и приемах управления в таких поликонфессиональных и разноязычных государствах см., напр.: Kollmann, 2012: 3 (в русском переводе: Коллманн, 2016: 17). В дальнейшем для удобства мы будем ссылаться только на русскоязычное издание этого исследования.

³ Отметим, что тезис о том, что военно-политическая «централизация» наступила в Русском государстве раньше, нежели все остальные ее виды, выдвинул в заочной дискуссии с А.Л. Хорошкевич А.А. Смирнов (см.: Смирнов, 1994).

другой стороны, как быть в таком случае с историей о выдаче ярлыка на великое владимирское княжение Михаилу Тверскому? Получается, что дело не только и не столько в том, были ли ордынские «цари» сюзеренами русских князей, сколько в том, признали ли себя последние вассалами первых и могли ли они оказать сопротивление «царям», если полагали, что «царское» решение не соответствует их устремлениям. И в таком случае фраза о том, что «только обретение государственного суверенитета могло гарантировать стабильность сложившейся территории и незыблемость границ» (Кром, 2018: 38) повисает в воздухе без одного небольшого, но весьма важного уточнения – при наличии реальной силы, посредством которой можно было обеспечить этот самый суверенитет не на словах, но на деле.

Другое утверждение историка, следующее из его анализа нижегородского казуса, гласит, что «ни наличие ханского ярлыка, ни несомненный военный перевес Москвы не могли обеспечить ей прочные позиции в присоединенном крае: многое зависело от поддержки местных князей и боярства» (Кром, 2018: 38). Но вот ведь что любопытно – в современной историографии, посвященной проблемам становления и развития раннемодеิร์นного государства, подчеркивается, что государство это в силу своей слабости и неразвитости властной инфраструктуры (того, что Дж. Брюэр назвал «жилами власти», «*sineews of power*» (Brewer, 1989)) полагалось не только на принуждение и насилие, но скорее на достижение некоего взаимовыгодного компромисса с местными элитами посредством переговоров и разного рода неформальных практик. «Переговоры, а не насилие – вот ключевая концепция» отношений между верховной властью и местными элитами в раннемодеิร์นных государствах (см, напр.: Rethinking Leviathan, 1999: 12, 200-201). Совместить два этих тезиса можно только в том случае, если исходить из того, что раннемодеิร์นное государство вырастает эволюционным путем из позднесредневекового и

несет в себе множество пережитков «старинны».

Точно так же, на наш взгляд, обстоит дело и с третьим утверждением М.М. Крома о том, что «ни на одном из этапов многолетней борьбы за Нижний Новгород со стороны великого князя московского не видно попыток создать новые структуры управления на местах или каким-то иным способом удержать присоединенную территорию» (Кром, 2018: 38). Насколько полно наши источники отражают именно эту сторону деятельности великокняжеской власти в Нижегородском княжестве, чтобы можно было столь однозначно утверждать об отсутствии попыток создания в нем великокняжеской администрации? И как согласуется такая политика с политикой выстраивания взаимовыгодных отношений с местными элитами? М.М. Кром упоминает об энергичной политике Ивана III и Василия III по интеграции Великого Новгорода, Твери и Пскова в состав Русского государства, однако эта энергичность носила достаточно противоречивый и двойственный характер – тот же Новгород и ко временам Ивана Грозного сохранил достаточную степень внутренней автономии, на что обращал внимание ранее ряд отечественных ученых (см., напр.: Казакова, 1982: 156-159). И снова обратимся к опыту западной историографии. Дж. Эллиотт отмечал, что в раннемодеิร์นных государствах Западной Европы королевские власти, устанавливая военный контроль над вновь присоединенными землями, вместе с тем *надстраивали* (курсив мой. – В.П.) над старыми административными структурами новые (Elliott, 1992: 55). То есть, по сути, старые административные и судебные структуры оставались (на первых порах, во всяком случае), нетронутыми, а над ними появлялась фигура королевского наместника (губернатора), которая, кстати, зачастую могла быть призвана на службу из числа местных аристократов.

Одним словом, мы не склонны поддерживать выдвинутый М.М. Кромом тезис о том, что «с образованием государства (надо

полагать, что историк в данном случае имел в виду, конечно же, модерное государство. – В.П.) меняются отношения между центром и провинциями страны, которые ставятся под более жесткий контроль великокняжеской (а потом царской) администрации», причем, по мнению автора, «следует говорить о серьезных сдвигах, *радикальных перемен*, которые на протяжении жизни одного поколения (курсив мой. – В.П.) затронули властные отношения, идеологию, территориальную структуру и другие важные сферы жизни Московской Руси» (Кром, 2018: 39).

Такая постановка вопроса предполагает некую «революцию» в отмеченных автором книги сферах деятельности государства и общества. Но была ли возможна такая «революция» как коренной переворот, как рождение нового качества в реалиях раннемодерной России? Относилось ли московское общество раннего Нового времени к «горячим», способным к радикальным переменам, или же к «холодным», которые, по словам К. Леви-Стросса, «желают его (неизбежный процесс изменений привычного образа жизни. – В.П.) игнорировать и пытаются со сноровкой, недооцениваемой нами, сделать, насколько это возможно, постоянными состояниями, считающиеся ими “первичными” относительно своего развития (курсив мой. – В.П.) ...» (Леви-Стросс, 2008: 439).

Представляется, что аграрное, патриархальное и консервативное по своей сути раннемодерное русское общество относилось всё же к последнему типу, и ожидать

от него резких шагов по изменению привычного уклада жизни было бы несколько преждевременно – нужны были великие потрясения, чтобы эти перемены стали возможными. А пока этого не случилось, пока верховная власть не нарастила в достаточной степени пресловутые «жилы власти», она была вынуждена считаться с тем, что, как отмечала Н. Коллманн, «легитимность основывалась не только на упорядоченном применении насилия, но и на том, что государство в большей или меньшей степени отвечало представлениям, согласно которым правитель должен прислушиваться к своим подданным, *хранить традицию* (курсив мой. – В.П.) и обеспечивать безопасность в обществе» (Коллманн, 2016: 522). И сам автор «Рождения государства» в одной из своих прежних работ отмечал, что «реформы вообще плохо вязались с образом богоданной традиционной власти» (Кром, 2005: 292)⁴. Так что, говоря о характере отношений верховной власти и «земли», центра и провинций, мы всё же акцентировали бы внимание на постепенности, эволюционности перемен, их растянутости во времени (ни в коем случае не при жизни одного поколения) – как минимум, весь броделевский «долгий XVI век».

Снова вернемся к тексту «Рождения государства». Безусловно, и в этом трудно не согласиться с мнением автора, Великое Владимирское княжество и Великое княжество Московское как его составная часть были типичной средневековой аморфной политией, однако стоит ли отказывать ему в праве именоваться государством только на том основании, что оно не соответствует

⁴ Здесь стоит вспомнить наблюдение, которое сделал А.П. Каждан. Он писал в свое время, что для византийцев «мир не просто тварь, но и раскрытие Божества, мир – божествен... Мир соответствует мудрости бога, всякое осуждение порядка мироздания – богохульство. Поскольку мир божествен, мысль о преобразовании его кажется христианину противоестественной. Христианская космология как бы становится оправданием византийского хозяйственного и политического традиционализма: *все должно оставаться таким, каким вышло из рук творца, завтрашний день должен лишь повторять, лишь воспроизводить сегодняшний* (курсив мой. – В.П.) ...». Таким образом, традиция в византийской ментальности носила ярко выраженный сакральный характер, «традиция понималась здесь как богооткровенная, как восходящая к высшему знанию» (Каждан, 2006: 153-154, 162). Между тем Г.Г. Литаврин указывал, что «Официальная государственная доктрина на Руси, как и в самой империи и других “православных” государствах юго-востока Европы и Кавказа, опиралась на учение восточнохристианской церкви... *Неофиты не могли воспринять византийскую религиозную доктрину частично или в модифицированном виде. Они должны были усвоить ее целиком* (курсив мой. – В.П.) ...» (Литаврин, 1999: 471).

критериям современного (и тем более постмодерного) государства, как это делает М.М. Кром? (Кром, 2018: 39). Само понятие «государство» есть понятие историческое, развивающееся, и сравнивать прямолинейно, в лоб, политические образования разных эпох и народов было бы неверно – в таком случае стоило бы признать, что, к примеру, афинская демократия времен Перикла или Римская республика не являлись государствами⁵, ибо они «не собирают» суммы признаков «классического» государства Нового времени (и даже на фоне пресловутых «древневосточных деспотий» совсем не смотрятся именно «государствами»). Другое дело, что для такого рода средневековых государств, в отличие от современного и даже раннемодерного, характерна была высокая степень значимости субъективного фактора – проще говоря, личности правителя. Власть действительно носила в значительной степени «личный» характер, не опосредованный, как это будет позднее, той же бюрократией в центре и на местах, и это, пожалуй, едва ли не важнейший признак, отделяющий средневековое государство от современного.

Завершая размышления над текстом первой главы «Рождения государства», не можем не отметить еще один тезис автора. По его мнению, в конце XIV – начале XV в. в Русской земле (понимая под нею ядро будущего Русского государства) шли процессы, которые могли привести к тому, что «при определенном раскладе политических сил вполне можно было себе представить формирование нескольких независимых государств» (Кром, 2018: 43). Действительно, при сравнении особенностей политического развития отдельных регионов Русской земли в это время может сложиться впечатление, что повторяется ситуация, которая имела место в начале XIII в., когда на Руси образовалось несколько центров политического притяжения, которые вполне могли стать ядрами отдельных государств наподобие частей бывшей империи

Каролингов. Другой вопрос, насколько реально была такая альтернатива именно в этот период, поскольку великие московские князья, располагая к этому времени еще и ресурсами великого Владимирского князя (о чем пишет и сам автор «Рождения государства»), прочно заняли среди прочих князей Северо-Восточной Руси главенствующее положение.

Третья глава работы, «Династическая война 30–40-х годов XV века и рождение “господарства/государства”» посвящена, как видно из ее заголовка, бурным событиям времен правления Василия II. Конфликт внутри московского правящего дома, вызванный спором из-за того, кто унаследует престол – сын Василия I малолетний Василий или же его дядя Юрий. «Перспектива оказаться в подчинении у малолетнего племянника (а точнее, у его матери-вдовы) едва ли радовала взрослых братьев Василия I – Юрия, Андрея, Петра и Константина», – пишет автор «Рождения государства» (Кром, 2018: 48). При этом историк отмечает некую неопределенность, содержащуюся в завещании Василия I относительно перспектив унаследования власти его сыном, объясняя ее возможностью вмешательства хана в династическую распря и передачи ярлыка «мимо» юного княжича. Правда, здесь есть два момента, на которые стоило бы, на наш взгляд, обратить внимание. Первый связан с личностью наиболее вероятного претендента на великокняжеский стол – Юрия Дмитриевича Звенигородского, опытного политика и удачливого полководца. Как потенциальный кандидат на великое княжение он был не слишком выгоден Орде – слишком самостоятелен был этот князь. И второе: М.М. Кром упоминает о том, что одним из душеприказчиков Василия I был его тесть великий князь литовский Витовт. Но вот что любопытно – спустя почти сто лет после этих событий имперский посол С. Герберштейн писал в своих «Записках о Московии», что, подо-

⁵ О концепции «безгосударственного» полиса см., напр.: Штаерман, 1989; Berent, 2006.

зревая Софью Витовтовну в прелюбодеянии, Василий I завещал власть и стол своему брату Юрию, однако большинство московских бояр отказались поддержать Юрия (Герберштейн, 2008: 65).

Повторил ли Герберштейн слухи, ходившие в оппозиционных кругах московской знати в начале XVI в., или же под рассказанной им историей лежит некая тайна московского двора – сегодня уже не установить, но тот факт, что в истории борьбы племянника и дяди за великокняжеский стол отчетливо просматривается «литовский» след, вряд ли стоит отрицать, равно как и то, что противостояние Василия Васильевича и Юрия Дмитриевича было противостоянием не просто двух претендентов, но и двух «партий» при дворе, условно «московской» и «литовской». И еще – это противостояние происходит на фоне предпринятого Витовтом в последние годы его жизни наступления на русский Северо-Запад, ставшего следующим шагом литовского князя после установления своей власти над Смоленском, помощь которому не сумел оказать Василий I. Малолетний княжич на московском столе, за которого будет управлять его мать с репутацией властолюбивой и заносчивой, и за их спинами маячит фигура могущественного и влиятельного литовского князя – перспектива попадания Москвы, а с нею и Великого Владимирского княжества, в орбиту влияния литовской политики была, похоже, более чем реальна⁶, особенно если бы Витовту удалось подчинить своему влиянию Псков и Новгород. Как к этому отнесся Юрий Звенигородский и не здесь ли кроется ответ на вопрос, почему он отказался присягать Василию Васильевичу и заявил о своих претензиях на стол? Кстати, М.М. Кром отмечает, но не

развивает дальше наблюдение, что очередное обострение борьбы за власть между дядей и племянником осенью 1431 г. пришлось на момент, когда с политической сцены сошли две влиятельнейшие фигуры, сыгравшие важнейшую роль в урегулировании кризиса 1425 г. мирным путем – митрополит Фотий (у которого был свой интерес не сориться с Витовтом) и сам Витовт (Кром, 2018: 49).

Любопытной представляется и история о том, как рассудил спор двух претендентов на московский стол ордынский «царь» Улуг-Мухаммед⁷. Традиционно принято считать этот «арбитраж» символом зависимости русских князей от «царя», и автор «Рождения государства» стоит на этой позиции. Однако можно на эту историю посмотреть и иначе – как на использование «царя» русскими князьями для разрешения своих споров как менее затратный (по сравнению с войной) способ решения сложного спора. Столь же неоднозначной выглядит и история последующей борьбы Василия с Юрием и его сыновьями (см., например: Лурье, 1994: 88-92)⁸. Но что сегодня не вызывает сомнения, так это утверждение, что «борьба за престол (между племянником и дядей. – В.П.) носила личный и клановый характер, и нет оснований интерпретировать ее как столкновение сил “реакции” и “прогресса”» (Кром, 2018: 53). Другое дело, что эта борьба личностей и кланов самой своей логикой вела к укреплению позиций верховной власти и ускорению процесса «собрания власти». И в этом плане любопытным представляется сравнение аналогичных династических конфликтов во Франции при Карле VI и Карле VII и в Англии во второй половине XV в. (знаменитая война Алой и Белой Роз).

⁶ На эту вероятность обращал внимание еще Л.В. Черепнин, полагавший, что оговорка в завещании Дмитрия Ивановича относительно перехода власти к его сыну Василию была связана с опасениями Донского относительно перехода Москвы под влияние Литвы. См.: Черепнин, 1948: 62.

⁷ Стоит отметить, что, к примеру, Я.С. Лурье полагал, что исход ордынского «арбитража» носил неопределенный характер, чем и объясняется несчастливая судьба главного переговорщика со стороны Василия II боярина И.Д. Всеволожского (Всеволожа). См.: Лурье, 1994: 88.

⁸ М.М. Кром, хотя и упоминает эту работу Я.С. Лурье и частично использует ее результаты, однако предпочитает следовать традиционной версии событий.

Повествуя о событиях времен противостояния Василия II с его дядей и его сыновьями, М.М. Кром делает еще одно важное наблюдение. По его мнению, избрание в 1448 г. русскими иерархами главой Русской церкви митрополита Ионы «следует рассматривать в русле общеевропейской тенденции к “национализации” местных церквей, их обособления от вселенской церкви (соответственно католической или православной) и подчинения светской власти той или иной страны» (Кром, 2018: 59). И, приняв эту точку зрения, можно с уверенностью заявить, что в этом вопросе формирующееся раннемодерное Русское государство шло если не в первых рядах, то, во всяком случае, было одним из первых, кто встал на этот путь.

С этим сюжетом связан и другой, на который обращает внимание М.М. Кром. По его мнению, в эти десятилетия в митрополичьей канцелярии постепенно вырабатывается новая идеология, религиозно-политическая доктрина, частью которой стала новая титулатура великих князей – в нее входит термин «господарь». М.М. Кром отмечает, что сам этот термин (в разных прочтениях и «господарь», и «осподарь») использовался и ранее, «но к концу династической войны слово “господарь” начало приобретать новый смысл – верховного правителя страны». При этом в грамотах, что выходили из митрополичьей канцелярии, «господарство», продолжает дальше историк, «устойчиво использовалось для обозначения крупных политических образований – соседей формирующегося Русского государства». Следовательно, делает вывод автор «Рождения государства», «уже в середине XV века митрополия выработала идеологическую платформу и титулатуру для великокняжеской власти, которые значительно опережали политическую практику: русское “господарство” мыслилось полностью независимым и суверенным (“самодержавным”), хотя в реальности еще не была ликвидирована зависимость русских князей от ордынских ханов» (Кром, 2018: 63, 64, 65). Безусловно, это

был важный шаг на пути формирования раннемодерного Русского государства. Как отмечала уже упоминавшаяся нами ранее Н. Коллманн, «в послереформационной Европе процессы конфессионализации – движения в рамках католической и протестантской конфессий, направленные на четкое формулирование вероучения и дисциплинирование членов общины, – дополняли усилия власти по консолидации общества вокруг государства и церкви» (Коллманн, 2016: 15). И наблюдение, сделанное М.М. Кромом, подтверждает тезис американской исследовательницы – раннемодерное Русское государство, переживавшее во второй четверти XV в. процесс своего рождения, вступило на путь этой самой «конфессионализации».

Еще одно важное наблюдение, которое сделал М.М. Кром и о котором нельзя не сказать: противостояние между Василием II и его оппонентами стало поворотным пунктом в истории Русского государства еще и потому, что «великое княжение, которое еще в конце правления Василия I представляло собой рыхлую политическую структуру, уже в середине столетия превратилось в монархию с явной тенденцией к единодержавию» (Кром, 2018: 65). Но вот на что, на наш взгляд, стоило бы обратить внимание, говоря о монархии и единодержавии в середине XV в., – на личность самого монарха, Василия II, за которым в историографии прочно закрепилась репутация неудачника и серой, ничем не примечательной личности. М.М. Кром в своей оценке Василия II следует этой традиции, не отказывая Василию лишь в личном мужестве и храбрости (Кром, 2018: 52). Однако представляется, что такой подход к оценке великого князя, мягко говоря, весьма предвзятый и односторонний. По аналогии с известной концепцией «двух Иванов» можно вести речь и о концепции «двух Василиев». Один Василий – молодой и неопытный великий князь, целиком и полностью находящийся под влиянием и своих советников и матери, и другой Василий – изрядно побитый жизнью, жесткий,

если не сказать жестокий, коварный, умеющий играть вдолгую; правитель настойчивый, упорный и терпеливый, умеющий добиваться своего любой ценой, подлинный макиавеллиевский князь. Конечно, короля играет свита, однако не стоит преувеличивать роль двора, как это делает М.М. Кром вслед за А.А. Зиминим (Кром, 2018: 51-52. Ср.: Зимин, 1991: 57-58). Бесталанный князь-неудачник, да еще и с сомнительными правами на престол, не сумел бы удержаться на плаву и сохранить доверие своих людей и их поддержку⁹. Те, кто так думали по отношению к Василию, сделали большую ошибку и жестоко за нее поплатились – хорошо еще, если только изгнанием. И называя Ивана III создателем Русского государства, вряд ли стоит забывать о его отце, который в жестокой борьбе за власть заложил фундамент того самого государства, которое и выстроил вчерне Иван III.

Кстати, о фундаменте. М.М. Кром пишет, что «многие уделы были ликвидированы в ходе междоусобной борьбы, а те, что остались, или были заново созданы по завещанию Василия II (1462), или потеряли былую автономию, а их владельцы из “братии младшей” великого князя превратились в его, “великого господаря”, подданных» (Кром, 2018: 65). Тот факт, что удельная система пережила междоусобицу (и не только ее), свидетельствует в пользу предположения, что верховная власть в лице московских государей боролась не против самих уделов как таковых, не против «системы» (не ими она была создана, не им эту «старину», и отменять), но против конкретных личностей. Удельная система умерла естественным образом со смертью хозяев уделов, а не потому, что верховная власть боролась с нею до полного ее искоренения. Что же до утраты автономии, то представляется, что это несколько поспешное утверждение. Возьмем, к примеру, dokonчанье между Василием II и князем серпуховским

и боровским Василием Ярославичем. Отношения между «старейшим братом», князем великим, и «братом младшим», князем удельным, в нем описываются практически в тех же выражениях, что и прежде. Точно так же, как и прежде, в dokonчанье сохраняется свое место формула, согласно которой «братья» обязывались вотчины и уделы контрагента «блюсти, и боронити, и печаловатися, а не обидети, ни вступатися», «данщиков своих не слати, ни приставов не всылати, ни грамот давати, ни закладней и оброчников ми не держати» (Духовные и договорные грамоты, 1950: 179-186).

Как видно, внутренняя автономия остается практически неприкосновенной, и только во внешней сфере, в «деле государевом» в том, что касается войны и внешних сношений, «суверенность» удельных князей несколько ограничивается. Стали ли после этого удельные князья подданными великого князя? Думается, что всё же нет. А раз так, то и говорить о том, что «формировалась единая в административном, судебном и финансовом отношениях территория государства» (Кром, 2018: 66), также преждевременно. Это единство касалось территорий, которые входили в состав великокняжеского домена, который постоянно рос в размерах, но никак не владений удельных князей, в которые великий князь и его люди, согласно освященной веками традиции и обычаю, не имели права «вступатися». Другое дело, что, поскольку среди удельных князей теперь чем дальше, тем больше будут доминировать князья – ближайшие родственники великого князя, которые автоматически переносили в свои уделы московские порядки, таким «ползучим» способом администрирование, судопроизводство и взимание податей явочным порядком унифицировалось. Но полагать это некоей целенаправленной политикой верховной власти было бы, на наш взгляд, преждевременно, ибо эта «унификация» за

⁹ Кстати, А.А. Зимин показывает, как в результате второго поражения от Юрия Дмитриевича Василий II стремительно потерял свой авторитет и влияние и превратился в князя-изгоя (Зимин, 1991: 64-67).

пределами великокняжеской «вотчины» нарушала традицию.

Разобрав вторую главу, перейдем к главе третьей, носящей название «Иван III: обретение государственного суверенитета». И поскольку понятие суверенитета, понимаемого как полная свобода государя от каких-либо форм внешней зависимости и верховенство в делах внутренних, является одним из важнейших, по М.М. Кром, признаков современного государства, постольку эта глава может быть отнесена к числу наиболее значимых в книге.

Сам М.М. Кром трактует понятие суверенитета прежде всего как независимость от каких-либо иных иностранных государств, и в этом плане действительно, Иван III не только де-факто добился полного суверенитета Русского государства во внешней политике, но и озвучил понимание своей независимости и нежелания впредь подчиняться кому бы то ни было, хоть татарскому «царю», хоть римскому императору, в своих знаменитых словах (см.: Памятники, 1851: 12), обращенных к имперскому посланнику рыцарю Н. Поппелю (о чем пишет и автор «Рождения государства»). Стоит отметить, что для обретения суверенитета для Русского государства во второй половине XV в. сложилась благоприятная ситуация, и Иван III на все сто процентов воспользовался приоткрывшимся для него «окном возможностей».

В самом деле, к этому времени (см.: Кром, 2018: 69-70), Золотая Орда де-факто перестала существовать, распавшись на конгломерат враждующих между собой татарских юртов, каждый из которых по отдельности уже не представлял собой той силы, какой обладал Джучиев улус во времена своего могущества. Любопытное наблюдение, подтверждающее этот тезис, сделал автор «Рождения государства», отметив, что поход хана Ахмата в 1480 г. «не был подобием прежних карательных походов ордынцев на Русь: из внутреннего дела хана и его вассалов-князей русско-ордынские отношения стали частью международных отношений Восточной Европы» (Кром,

2018: 71). Эпоха безусловного доминирования Орды в Восточной Европе подошла к концу.

Замыслам Ивана III благоприятствовала и ситуация, которая сложилась в Великом княжестве Литовском. После династической войны, пришедшейся примерно на те же годы, что конфликт между Василием II и его дядей (и его сыновьями), Литва так до конца и не оправилась и не восстановила свою прежнюю мощь. Вялые действия великого князя Казимира в новгородском вопросе и его явное нежелание вступать в прямой военный конфликт с Иваном, а использовать для этой цели Ахмата, косвенно свидетельствуют об этом.

И, наконец, Западная Европа еще не «открыла» в полной мере для себя Европу Восточную, ее участие в местных политических делах пока было еще минимально (переговоры с римской курией и заключение брака Ивана III с Зоей Палеолог ознаменовали начало выхода России на широкую европейскую арену – но только начало).

Но вот с чем мы не согласны, так это с тем, что, как пишет М.М. Кром, «во внутренних делах суверенитет подразумевает неограниченность верховной власти, которая на территории данного государства обладает абсолютными и никем не оспариваемыми полномочиями» (Кром, 2018: 77). Обретение Иваном III «внешнего» суверенитета (с теми ограничениями, которые налагали на него остатки зависимости от татарских юртов, прежде всего Крымского ханства) вовсе не означало, что внутри государства он обладает столь же всеобъемлющей властью, как вовне. М.М. Кром приводит пример с братом Ивана III Андреем Углицким, который был в сентябре 1491 г. арестован, посажен «на казенный двор» в Москве и там умер (см., напр.: Московский летописный свод конца XV века, 2004: 333). Причиной такого шага Ивана, пишет М.М. Кром, стал отказ углицкого князя выставить свои полки вместе с великокняжескими против татар (см.: Московский лето-

писный свод конца XV века, 2004: 332). Однако это только одна вина князя Андрея перед Иваном, но были и другие – и все они касались «внешнего» суверенитета (Андрей был обвинен в пересылках с Казимиром литовским и ханом Ахматом, а также в выступлении против Ивана – великий князь припомнил своему брату «котору», которую тот учинил накануне нашествия Ахмата), но никак не внутреннего. И если обратиться к грамотам, регулировавшим отношения князей московского дома, великого и удельных, то и спустя почитай полтора десятка лет после 1491 г. «молодшая братья», князья удельные, обязуются, как и прежде, быть с «братом старейшим» «везде заодин» и «добра хотети везде, во всем и до живота». Однако при этом и великий князь, и удельные князья, как и прежде, взаимно обязуются «блюсти, и не обидети, ни вступатися» во владения друг друга (см., напр.: Духовные и договорные грамоты, 1950: 366-367).

Следовательно, при условии, если «брат младший» не нарушает условия докончания, верно служит «брату старейшему» и «добра» ему «желает», выступает с ним везде «заодин» и «на коня вседает» вместе с великим князем, то он в своем уделе остается «по старине» полновластным «господарем», и в его внутренние дела великий князь не вмешивается. Как в таком случае можно говорить об абсолютной, неограниченной власти великого князя внутри государства? Более того, в духовной грамоте Ивана III есть любопытный пассаж: «А что есми давал свои села бояром своим, и князем, и детем боярским, и грамоты есми им свои жаловалные подавал на те селы прочно им и их детем, или кому буду в куплю дал свои грамоты, и в те селы сын мой Василей и мои дети у них не вступаются» (Духовные и договорные грамоты, 1950: 361). О каком абсолютном внутрен-

нем суверенитете великого князя можно вести речь, если не только удельные князья, но и служилые люди в жалованных вотчинах были полновластными хозяевами?

Еще раз подчеркнем – Иван III и его преемники на троне боролись не с удельной системой как таковой, но с конкретными личностями, и их политика была направлена не на то, чтобы отменить «старину», но на то, чтобы заставить ее работать согласно тем потенциям, что были в нее заложены (а для того, чтобы она работала, нужно было, чтобы «старейший брат» обладал ресурсами, превосходящими то, чем обладала «молодшая братья» даже и в совокупности¹⁰). И когда Иван разгневанно указывает новгородской «господе» на неуместность ее требований относительно сохранения прежних порядков, мотивируя это тем, что де «вы ныне сами указываете мне, а чините урок нашему государству быти, ино то, которое государство мое» (Московский летописный свод конца XV века, 2004: 317), то автор «Рождения государства», цитируя эти слова великого князя как пример ярко выраженных автократических устремлений Ивана III (Кром, 2018: 79), несколько лукавит. Да, Иван произнес эти слова, но, во-первых, новгородцы сами нарушили «старину», установив контакты с Казимиром литовским и попытавшись отделиться под его покровительство¹¹, тем самым перечеркнув все прежние договоренности и взаимные обязательства; а во-вторых, высказав новгородцам всё, что он думает относительно их требований, Иван III, отняв у них вечевою колокол, вече и посадничество, тем не менее удовлетворил новгородские желания, обязавшись «в вотчины их (новгородских землевладельцев. – В.П.) не вступаемся, а суду быти в нашей отчине в Новгороде *по старине* (курсив мой. – В.П.), как в земле суд стоит», равно как освободил новгородцев от службы в Низовской земле

¹⁰ Ср. размеры уделов, что выделял своим завещанием Иван III наследнику Василию и прочим своим детям (Духовные и договорные грамоты, 1950: 352-361).

¹¹ См. проект договора новгородской «господы» с великим князем литовским (Памятники русского права, 1953: 247-251).

(Московский летописный свод конца XV века, 2004: 318).

Согласитесь, уважаемый читатель, что всё это отнюдь не свидетельствует о неограниченном суверенитете Ивана III в подчинившемся ему Новгороде. Но как быть в таком случае с учиненным, вопреки своему пожалованию, «выводом» новгородских землевладельцев и массовой конфискацией земельных владений в Новгородской земле, учиненных Иваном позднее? Полагать эти события нарушением обещаний Ивана нет причин – новгородцы сами сделали первый шаг к тому, чтобы, вопреки договору, перестать «держаться» новую власть «честно и грозно, без обиды»¹².

С новгородским «выводом» связано еще одно обстоятельство. «Выводы», – пишет М.М. Кром, сопровождавшиеся конфискацией земель и переселением сотен людей, были наиболее радикальным способом интеграции новоприсоединенных территорий в состав Русского государства. «Московские власти прибегали к нему там, – продолжает историк, – где встречали сопротивление, не находили опоры в местном населении или опасались заговоров» (Кром, 2018: 82). Да, это так, но в то же время М.М. Бенцианов, изучая особенности складывания новгородской служилой корпорации в конце XV – первой половине XVI в., пришел к выводу, что после массового «вывода» новгородских землевладельцев и испомещения на конфискованных у них землях московских служилых людей особенная новгородская идентичность не исчезла, но была усвоена пришлецами, которые переориентировались на новгородские ценности (Бенцианов, 2019: 123-125). Следовательно, говорить о полной интеграции Новгородчины в состав Русского государства в конце XV – начале XVI вв. несколько преждевременно (и, как показал опыт Смуты, и сто лет спустя новгородская «особость» все же давала о себе знать). И когда М.М. Кром пишет, что, в отличие от

той же Испании или Франции, «автономии в составе Московского государства имели тенденцию к сокращению, а затем – и к полному исчезновению» (Кром, 2018: 84-85), здесь, на наш взгляд, нужно оговориться, что именно имеется в виду и на какой срок растягивается эта тенденция. Это точно не XV век и не XVI, и даже по отношению к XVII веку есть сомнения, что эта фраза верна (во всяком случае, применительно к первой его половине, до Соборного уложения). И если, к примеру, в кормленных грамотах Ивана III используется оборот «и вы, все люди тое волости, чтите его и слушайте, а он вас ведает, и судит, и ходит у вас во всем по тому, как было преже сего (курсив мой. – В.П.) ...» (Памятники русского права, 1955: 156), и практически такой же оборот в ходу спустя четверть века, при Василии III, и через полсотни лет, при Иване IV (Акты служилых землевладельцев, 1997: 42, 43, 48-50, 106, 169, 236, 237, 238), то не означает ли это, что местная «старина», включающая в себя и те самые «*fueros*», остается в силе и в неприкосновенности, а вместе с нею остается в силе и прежняя автономия, пусть и на низовом, «земском», уровне?

Даже «право завоевания», о котором упоминает М.М. Кром (Кром, 2018: 85), говоря о модели полной интеграции покоренных территорий, возобладавшей в Русском государстве, вовсе не означало, что завоеванная территория полностью и бесповоротно входит в его состав и утрачивает какие-либо признаки своего прежнего независимого статуса. Характерным примером тому может служить судьба Полоцка, капитулировавшего перед войсками Ивана Грозного в феврале 1563 г. Покидая завоеванный город, царь наказывал назначенным в город воеводам, что те должны «управа давати литовским людям, шляхтам и бурьмистром и земским людям и земляном, бояром и воеводом, розпрося про

¹² Обзор событий в Новгороде в 80-х гг. XV в., которые привели к массовому «выводу» и конфискациям, см., напр.: Зимин, 1982: 78-79.

здешние всякие обиходы, как у них в обычьи ведутца, да с их обычье сперва и судити и управы им в городе давати». При этом воеводам надлежало выбрать «головой добрые из дворян, кому мочно верити», которые и должны были в судебной избе вершить правосудие. «А записывати у них дяком земским, – продолжал Иван в своем наказе, – выбрав из земских людей из полочан человека два», и вдобавок к ним «в суде быти с ними бурмистром...» (Баранов, 2004: 145-146). Из этой цитаты из государева наказа четко и недвусмысленно следует, что Иван не собирался вводить в Полоцке московские порядки и законы – напротив, судопроизводство должно было осуществляться на основании местных законов и обычаев, т.е. пресловутого «магдебургского» права, которое в свое время было пожаловано великими князьями литовскими Полоцку, и с активным участием местных «лутчих людей».

В этой связи любопытным представляется суждение М.М. Крома о молодом Русском государстве как государстве «династическом», подобно Османской или Священной Римской империям, но не «национальном». Известный журналист и публицист Е.С. Холмогоров подверг его за это жесткой критике, доказывая в своей рецензии на «Рождение государства», что Русское государство изначально обладало «вполне отчетливой этно-культурной основой» (Холмогоров, 2018).

В этом заочном споре мы склонны поддержать М.М. Крома, отказывая ранне-модерному Русскому государству в праве именоваться «национальным», поскольку «нация» как феномен политической, социальной, культурной и иной общественной жизни есть продукт эпохи модерна. Когда Н. Хеншелл писал, что «подобно большинству европейских монархов, французский король правил не национальным государством, его подданные не обладали развитым национальным самосознанием. Понятие “нация” в политическом, расовом или

лингвистическом смысле было слишком туманным, чтобы рождал ту верность, которая была в этот период основой всех отношений внутри государства. Люди были преданы своей семье, своему господину, своему городу, своей провинции, своему классу, своей религии или своему королю» (Henshall, 1992: 8)¹³, то мы, исходя из конструктивистской точки зрения, полагаем, что и в Русском государстве ситуация была схожей и последовательность приоритетов была примерно такой же. Та легкость, с которой бывшие подданные Ивана IV меняли свою идентичность, «перелетая» в годы Ливонских войн на литовскую сторону или же оставаясь на перешедших под контроль Швеции бывших русских владениях в Ливонии (см., напр.: Селарт, 2012), косвенно свидетельствует в пользу неразвитости именно национального чувства. Впрочем, не стоит и категорично отрицать отсутствие каких-либо зачатков национального самосознания с яркой религиозной окраской в Русском ранне-модерном государстве. Вопрос, на наш взгляд, надо ставить иначе – насколько глубоко укоренилось это чувство в именно народном самосознании, но не в среде книжников, и насколько развивавшееся в этой среде национальное чувство оказывало влияние на формирование национальной (не этнической и религиозной) идентичности в среде простонародья, далекого от книжной культуры. В целом же, если вести речь о русском ранне-модерном «обществе», то оно скорее может быть отнесено к разряду «нравственных сообществ» Э. Дюркгейма (отсюда и то внимание, которое уделяла власть и Церковь процессу конфессионализации русского ранне-модерного общества что при Иване III, что, в особенности, при Иване IV), чем к «национальным» в узком смысле. Впрочем, рассуждая о «национальном» или «династическом» характере ранне-модерного Русского государства, не стоит забывать о том, что оно практически с самого начала формировалось как полиэтничное и, по меньшей

¹³ Цитата дана в переводе из: Хеншелл, 2003: 14.

мере, биконфессиональное (православно-исламское) политическое образование, а с завоеванием Поволжья «имперский» характер Русского государства стал еще более отчетливым.

Еще один любопытный аспект складывания раннемодеิร์นного Русского государства в эпоху Ивана III поднимает М.М. Кром в этой главе – он касается проблемы формирования отчетливой государственной границы. По мнению автора, тот факт, что по итогам двух русско-литовских войн на западе Русского государства более или менее четко обозначился рубеж, разделявший владения двух государей, русского и литовского, свидетельствует в пользу того, что Русская земля вступила в фазу активного строительства модерного государства. «Линия границы возникает тогда, когда, во-первых, формируются суверенные государства <...>, а во-вторых, в процессе экспансии они сталкиваются друг с другом, и между ними возникают территориальные споры» (Кром, 2018: 88). Принимая эту точку зрения, тем не менее, отметим, что на наш взгляд, свою роль сыграла еще и определенная «формализация» межгосударственных отношений, выразившаяся в расширении сферы применения письма и все более основательном закреплении на бумаге достигнутых договоренностей.

Сложнее обстоит дело с кодификацией права при Иване III – со знаменитым Судебником 1497 г. Нельзя не согласиться с мнением автора «Рождения государства», когда он пишет о том, что «во многих странах Европы – от Испании на западе до Московии на востоке – кодификация правовых норм служила эффективным средством юридической централизации и утверждения верховной власти монарха над своими подданными, в какой бы части государства они не проживали» (Кром, 2018: 90). Судебник Ивана III как будто находится в этом ряду. Однако точно также нельзя не согласиться с М.М. Кромом, когда он пишет о том, что этот памятник юридической мысли таит в себе множество загадок (Кром, 2018:

91). Исследователь, указывая на отмеченные ранее историками несообразности, связанные с историей Судебника и его использованием в реальной судебной практике, высказал предположение, что «в первую очередь кодекс был составлен для нужд столичных администраторов и судей», выполняя роль своего рода юридического (процессуального) «справочника», носившего преимущественно рекомендательный характер (Кром, 2018: 93). В этой связи стоит вспомнить любопытный тезис, высказанный Э. Коган. Она отмечала, что распространение писаного права было связано не только и не столько с ростом авторитета верховной власти, сколько с ростом грамотности населения и постепенного распространения сферы применения письменности на всё новые и новые сферы деятельности общества. При этом долгое время писаное право играло роль скорее литературного памятника, нежели действительно используемого в повседневной практике юридического документа (Cohen, 1993: 8-11). И если приложить этот тезис к реалиям формирующегося раннемодеิร์นного Русского государства, то судьба Судебника Ивана III становится более ясной и «прозрачной». Его появление стало одним из шагов на пути дальнейшей «формализации» и бюрократизации государственного управления и наращивания «*sineews of power*».

Окончание в следующем номере

Литература

Акты служилых землевладельцев. XV – начала XVII века. Т. I. М.: Археографический центр, 1997. 432 с.

Баранов, К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М.: Древлехранилище. 2004. С. 119-154.

Бенцианов, М.М. «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. М.: Центрполиграф, 2019. 351 с.

Валлерстайн, И. Мир-система модерна I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке.

М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015. 552 с.

Герберштейн, С. Записки о Московии. Т. I. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 776 с.

Думин, С.В. Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX вв. М.: Политиздат, 1991. С. 76-126.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 586 с.

Зимин, А.А. Витязь на распутье. М.: Мысль, 1991. 286 с.

Зимин, А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (очерки социально-политической истории). М.: Мысль, 1982. 333 с.

Каждан, А.П. Византийская культура (X–XII вв.). СПб.: Алетейя, 2006. 256 с.

Казакова, Н.А. О положении Новгорода в составе Русского государства в конце XV – первой половине XVI в. // Россия на путях централизации. М.: Наука, 1982. С. 156-159.

Коллманн, Н. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 616 с.

Кром, М.М. Административная практика Московского государства XVI – начала XVII в.: к вопросу о пределах институционального подхода // Российская история. 2016. № 2. С. 3-8.

Кром, М.М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 888 с.

Кром, М.М. Веберовская традиция в изучении генезиса государства Нового времени: социологические идеи и исследования историков // «Стены и мосты»–V: междисциплинарное взаимодействие исторического знания с естественными и социально-гуманитарными науками. М.: Академический проект. 2017. С. 54-63.

Кром, М.М. Государство раннего Нового времени: общеевропейская модель и региональные различия // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 3-15.

Кром, М.М. К пониманию московской «политики» XVI в.: дискурс и практика российской позднесредневековой монархии // Одиссей: Человек в истории. 2005. Время и пространство праздника. М.: Наука, 2005. С. 283-303.

Кром, М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М.: Квадрига, 2010. 320 с.

Кром, М.М. Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 256 с.

Леви-Стросс, К. Неприрученная мысль // Леви-Стросс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М.: Академический проект, 2008 С. 143-501.

Литаврин, Г.Г. Византия и славяне. СПб.: Алетейя, 1999. 606 с.

Лурье, Я.С. Две истории Руси XV века. Ранние и поздние независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. 240 с.

Малинин, Ю.П. Франция в эпоху позднего средневековья. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. 452 с.

Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М.: Языки славянской культуры, 2004. 488 с.

Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. Ч. 1. Сношения с государствами европейскими. Т. 1. Памятники дипломатических сношений с империей Римскою. СПб. 1851. 1620 стб.

Памятники русского права. Вып. II. Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII – XV вв. М.: Госюриздат, 1953. 442 с.

Памятники русского права. Вып. III. Памятники права периода образования Русского централизованного государства. XIV-XV вв. М.: Госюриздат, 1955. 527 с.

Селарт, А. «Русские бояре» в Эстляндии (конец XVI – начало XVII в.) // Петербургские славянские и балканские исследования / Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2012. № 2 (12). Июль – декабрь. С. 3-14.

Смирнов, А.А. Государство сражающейся нации // Родина. 1994. № 9. С. 34-38.

Хеншелл, Н. Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб.: Алетейя, 2003. 272 с.

Холмогоров, Е.С. Кром, Михаил. Рождение государства: Московская Русь XV-XVI веков. М.: Новое литературное обозрение, 2018. Рецензия // 100 книг. 11.05.2018. [Электронный ресурс] URL: <http://100knig.com/mix-ail-krom-rozhdenie-gosudarstva-moskovskaya-rus-xv-xvi-vekov/> (дата обращения 05.08.2019)

Черепнин, Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 1-я. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 472 с.

Штаерман, Е.М. К проблеме возникновения государства в Риме // Вестник древней истории. 1989. № 2. С. 76-94.

Berent, M. "The Stateless Polis: A reply to Critics", // *Social Evolution & History*. 2006. № 5 (1). Pp. 140-162.

Brewer, John. *The sinews of power. War, money and the English state, 1688–1783*. London: Unwin Hyman, 1989. 253 p.

Cohen, E. *The crossroads of justice: law and culture in late medieval France*. Leiden-New York: E.J. Brill, 1993. 231 p.

Elliott, J. A Europe of Composite Monarchies, in *Past & Present*. Number 137. *The Cultural and Political Construction of Europe*. 1992. Pp. 48-71.

Halperin, Ch. The Early Modern Muscovite state reconsidered // Петербургские славянские и балканские исследования / *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2018. № 2 (24). Июль – Декабрь. С. 181-196.

Henshall, N. *The Myth of Absolutism: Change & Continuity in Early Modern European Monarchy*. London & New York: Longman, 1992. 245 p.

Kollmann, Nancy. *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 488 p.

Krom, M. Les Réformes Russes du XVIe Siècle: Un Mythe Historiographique? // *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. 2009. № 3. Pp. 561-578

Rethinking Leviathan: The Eighteenth-century State in Britain and Germany. Eds. J. Brever and E. Hellmuth. Oxford: Oxford University Press, 1999. 402 p.

References

Akty sluzhilyh zemlevladel'tsev. XV – nachala XVII veka. T. I. [Acts of service landowners. 15th – beginning of the 17th century. Vol. I] (1997), Arkheograficheskij tsentr, Moscow, Russia (in Russ.).

Baranov, K.V. (2004), "Notebook of the Polotsk campaign 1562/1563", *Russkij diplomatarij*, 10, 119-154 (in Russ.).

Bencianov, M.M. (2019), "Князь'я, boyare i deti boyarskie". *Sistema sluzhebnyh otnoshenij v Moskovskom gosudarstve v XV-XVI vv.* ["Princes,

boyars and boyaren deti". The system of service relations in the Moscow state in the 15th – 16th centuries], Tsentrpoligraf, Moscow, Russia (in Russ.).

Berent, M. (2006), "The Stateless Polis: A reply to Critics" *Social Evolution & History*, 5 (1), 140-162.

Brewer, J. (1989), *The sinews of power. War, money and the English state, 1688-1783*, Unwin Hyman, London, UK.

Cherepnin, L.V. (1948), *Russkie feodal'nye arkhivy XIV – XV vekov. Ch. 1-ya* [Russian feudal archives of the 14th–15th centuries. Part 1], Izd-vo AN SSSR, Moscow-Leningrad (in Russ.).

Cohen, E. (1993), *The crossroads of justice: law and culture in late medieval France*, E.J. Brill, Leiden-New York, NY.

Dukhovnye i dogovornye gramoty velikih i udel'nyh knyazej XIV – XVI vv. [The testament and contractual letters of the great and apanage princes of the 14th–16th centuries], (1950), AN SSSR, Moscow-Leningrad, Russia (in Russ.).

Dumin, S.V. (1991), "Other Russia (Grand Duchy of Lithuania and Russian)", *Istoriya Otechestva: lyudi, idei, resheniya. Oчерки istorii Rossii IX – nachala XX vv.* [History of the Fatherland: people, ideas, decisions. Essays on Russian history 9th – early 20th centuries], Politizdat, Moscow, Russia, 76-126 (in Russ.).

Elliott, J. (1992), "A Europe of Composite Monarchies, in *Past & Present*", Number 137, *The Cultural and Political Construction of Europe*, 48-71.

Gerbershtein, S. (2008), *Zapiski o Moskovii*. T. I. [The Notes on Muscovy. Vol. I], Pamyatniki istoricheskoi mysli, Moscow, Russia (in Russ.).

Halperin, Ch. (2018), "The Early Modern Muscovite state reconsidered", *Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya / Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* [Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya / Studia Slavica et Balcanica Petropolitana] [St. Petersburg Slavic and Balkan studies / Studia Slavica et Balcanica Petropolitana], 2 (24). July – December, 181-196.

Henshall, N. (1992), *The Myth of Absolutism: Change & Continuity in Early Modern European Monarchy*, Longman, London & New York.

Henshall, N. (2003), *Mif absoljutzizma. Peremeny i preemstvennost' v razvitii zapadnoevropejskoj monarhii rannego Novogo vremeni* [The Myth of Absolutism: Change & Continuity in Early Modern European Monarchy], Aletejya, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

Kazakova, N.A. (1982), “On the position of Novgorod as part of the Russian state in the late 15th – first half of the 16th century”, *Rossiia na putyah centralizacii*, 156-159, Nauka. Moscow, Russia (in Russ.).

Kazhdan, A.P. (2006), *Vizantijskaya kul'tura (X – XII vv.)* [Byzantine culture (10th – 12th centuries.)], Aletejya, S.-Pb., Russia (in Russ.).

Kholmogorov, E. S. (2018) Krom, Mikhail. *Rozhdeniye gosudarstva: Moskovskaya Rus' XV–XVI vekov*. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2018, 100 knig, 11.05.2018. URL: <http://100knig.com/mixail-krom-rozhdenie-gosudarstva-moskovskaya-rus-xv-xvi-vekove/> (accessed: 05.08.2018) (in Russ.).

Kollmann, N. (2012), *Crime and Punishment in Early Modern Russia*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Kollmann, N. (2016), *Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni* [Crime and Punishment in Early Modern Russia], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.).

Krom, M. (2009). “Les Réformes Russes du XVIe Siècle: Un Mythe Historiographique?” *Annales. Histoire, Sciences Sociales*, 3, 561-578.

Krom, M.M. (2005), “To Understanding Moscow “Politics” of the 16th Century: Discourse and Practice of the Russian Late Medieval Monarchy” *Odissej: Chelovek v istorii*. 2005. *Vremya i prostranstvo prazdnika* [Odysseus: a Man in history. 2005. Time and space of the holiday], Nauka, Moscow, Russia, 283-303 (in Russ.).

Krom, M.M. (2010), *«Vdovstvuyushchee carstvo»: Politicheskij krizis v Rossii 30–40-h godov XVI veka* [The Dowager Kingdom: The Political Crisis in Russia of the 30s and 40s of the 16th Century], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, (in Russ.).

Krom, M.M. (2010), *Mezh Rus'yu i Litvoj. Pogranichnye zemli v sisteme russko-litovskih otnoshenij konca XV – pervoj treti XVI v.* [Between Russia and Lithuania. Border lands in the system of Russian-Lithuanian relations at the end of the 15th - the first third of the 16th century], Kvadriga, Moscow, Russia, (in Russ.).

Krom, M.M. (2016), “Administrative practice of the Moscow state of the 16th –beginning of the 17th century: to the question of the limits of the institutional approach”, *Rossijskaya istoriya* [Russian history], 2, 3-8 (in Russ.).

Krom, M.M. (2016), “The State of Early Modern: A Common European Model and Regional Differences”, *Novaya i novejšaya istoriya* [New and recent history], 4, 3-15 (in Russ.).

Krom, M.M. (2017), “Weberian tradition in the study of the genesis of the state of the New Age: sociological ideas and studies of historians”, *«Steny i mosty»-V: mezhdisciplinarnoe vzaimodejstvie istoricheskogo znaniya s estestvennymi i social'no-gumanitarnymi naukami* [“Walls and bridges” -V: interdisciplinary interaction of historical knowledge with natural and social Sciences], Akademicheskij proekt, Moscow, Russia, 54-63 (in Russ.).

Krom, M.M. (2018), *Rozhdenie gosudarstva: Moskovskaya Rus' XV–XVI vekov* [Birth of the state: Moscow Russia 15th–16th centuries], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, (in Russ.).

Levi-Stross, K. (2008), “Untamed think”, Levi Stross K. *Totemizm segodnya. Nepriuchennaya mysl'* [Totemism today. Untamed thought], Akademicheskij proekt, Moscow, Russia, 143-501, (in Russ.).

Litavrin, G.G. (1999), *Vizantiya i slavyane* [Byzantium and the Slavs], Aletejya, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

Lur'e, Ya.S. (1994), *Dve istorii Rusi XV veka. Rannie i pozdnie nezavisimye i oficial'nye letopisi ob obrazovanii Moskovskogo gosudarstva* [Two stories of Russia of the 15th century. Early and late independent and official annals of the formation of the Moscow state], Dmitriy Bulanin, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

Malinin, Yu.P. (2008), *Franciya v epohu pozdnego srednevekov'ya* [France in the late Middle Ages], Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

Moscow annalistic arch of the end of the 15th century. *Complete collection of Russian chronicles*. Vol. 225 (2004), Yazyki slavyanskoj kul'tury, Moscow, Russia (in Russ.).

Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenij Rossii s derzhavami inostrannymi. Ch. 1. Snosheniya s gosudarstvami evropejskimi. T. 1. Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenij s imperieyu Rimskoyu [Monuments of diplomatic relations between Russia and foreign powers. Part 1. Relations with European states. Vol. 1. Monuments of diplomatic relations with the Roman Empire], (1851), Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

Pamyatniki russkogo prava. Vyp. II. Pamyatniki prava feodal'no-razdroblennoj Rusi. XII – XV vv. [Monuments of Russian law. Vol. II. Monuments of the right of feudal-fragmented Russia. 12th–15th century], (1953), Gosyurizdat, Moscow, Russia (in Russ.).

Pamyatniki russkogo prava. Vyp. III. Pamyatniki prava perioda obrazovaniya Russkogo centralizovannogo gosudarstva. XIV-XV vv. [Monuments of Russian law. Vol. III. Monuments of law during the formation of the Russian centralized state. 14th–15th century] (1955), Gosyurizdat, Moscow, Russia (in Russ.).

Rethinking Leviathan: The Eighteenth-century State in Britain and Germany. (1999), in J. Brever and E. Hellmuth (ed.), Oxford University Press, Oxford, UK.

Selart, A. (2012), "“Russian boyars’ in Estonia (end of the 16th - beginning of the 17th century)", *Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya / Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* [St. Petersburg Slavic and Balkan studies / Studia Slavica et Balcanica Petropolitana], 2 (12), July – December, 3-14 (in Russ.).

Shtaerman, E.M. (1989), "To the problem of the emergence of the state in Rome", *Vestnik drevnej istorii* [Herald of ancient history], 2, 76-94.

Smirnov, A.A. (1994), "State of a fighting nation", *Rodina* [Homeland], 9, 34-38 (in Russ.).

Vallerstajn, I. (2015). *Mir-sistema moderna I. Kapitalisticheskoe sel'skoe hozjajstvo i istoki evropejskogo mira-ekonomiki v XVI veke* [The Modern World-System, vol. I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century], Universitet Dmitriya Pozharskogo, Moscow, Russia (in Russ.).

Zimin, A.A. (1982) *Rossiya na rubezhe XV–XVI stoletij (očerki social'no-politicheskoj istorii)* [Russia at the turn of the 15th–16th centuries (essays on socio-political history)], Mysl', Moscow, Russia (in Russ.).

Zimin, A.A. (1991), *Vityaz' na rasput'e* [The Knight at the Crossroads], Mysl', Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Пенской Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор, кафедра теории и истории государства и права, Юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, г. Белгород 308015, Россия; penskoy@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Vitaliy V. Penskoj, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia; penskoy@bsu.edu.ru